ПОПАДАНЕЦ. СПАРТАК.

Я ПЕРЕИГРАЛ РИМ

Вячеслав Гот

Вячеслав Гот

Попаданец. Спартак. Я переиграл Рим

«Автор»

2026

Гот В.

Попаданец. Спартак. Я переиграл Рим / В. Гот — «Автор», 2026

Он должен был погибнуть у подножия Везувия.Но вместо смерти выбрал победу.Попаданец в теле Спартака поднимает восстание, которое в реальной истории было обречено.Теперь у Рима новый враг — тот, кто знает его страхи, слабости и цену человеческой жизни.Раб, который не верит в милосердие.Гладиатор, который играет в стратегию.Человек, который решил переиграть саму историю.Рим падёт. Вопрос лишь в том — сколько крови за это заплатят.

© Гот В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Последний закат Везувия 5
Глава 1. Чужая память в чужом теле 7
Глава 2. Кухня смерти 11
Глава 3. Кровь на мраморе 15
Глава 4. Дорога на Везувий 20
Глава 5. Первый закон восстания 25
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Вячеслав Гот
Попаданец. Спартак. Я переиграл Рим

Пролог. Последний закат Везувия

То, что должно было стать концом – стало началом.

Кровь застилала глаза. Не своя – чужая, густая, с запахом железа и страха. Она стекала по лбу, смешиваясь с потом и пеплом Везувия, который вился над полем боя, как предсмертное дыхание богов.

Спартак стоял на коленях.

Вокруг – лес из римских пилумов. Копья втыкались в землю вокруг него кругом, отгораживая последний клочок итальянской земли, на котором ещё не ступала нога легионера. Тела. Сотни тел. Его людей. Те, кто верил в свободу, лежали теперь в позе сломанных кукол – руки раскинуты, лица застыли в последнем крике. Мухи уже кружили над раскрытыми ртами.

Где-то впереди скакал Красс. Марк Лициний Красс – богач, трус, гений уничтожения. Он не сражался. Он наблюдал. С высоты холма, прихлёбывая разбавленное вино, как пьют его на пирах. Смотрел, как его легионы дробят последний оплот восстания. Как волки рвут загнанного оленя.

«Это конец», – прошептало сознание раба. Усталое. Смирившееся.

Но в эту секунду – разрыв.

Не в небе. В голове.

Боль – не от ран. Боль от вторжения. Чужая память врывалась в чужое тело, как наводнение в разрушенный храм. Вспышки: экраны с текстом, цифры ВВП Римской империи, карты с границами, которых ещё нет, лица актёров, игравших Красса в фильмах, цитаты Плутарха, Саллюстия, Аппиана – всё смешалось в кипящий котёл.

71 год до н.э. Битва у реки Силар. Поражение. Гибель. 6000 распятых вдоль Аппиевой дороги.

История. Не предание. Не легенда. Факт. Записанный. Законченный. Обречённый.

Спартак – персонаж. Трагический герой. Красивая смерть для красивой истории.

– Нет, – выдохнул он. Или не он. Тот, кто теперь был им.

Римский центурион приблизился. Шлем с поперечным гребнем. Меч в руке. Глаза без жалости – профессиональная пустота убийцы.

– Spartacus! – крикнул он. – Morituri te salutant!

Умирающие приветствуют тебя. Ирония. Рабы когда-то говорили это императорам на арене. Теперь центурион бросает эту фразу поверженному врагу как последнее оскорбление.

Спартак поднял голову.

В глазах центуриона мелькнуло замешательство. Он ждал мольбы. Или ярости. Или пустоты смертника.

Он увидел расчёт.

Холодный, ледяной расчёт человека, который знает исход боя до его начала. Который знает, что Красс через три года будет мёртв – убит в Парфии, его голова станет трофеем для врагов Рима. Который знает, что через полтора века этот самый Рим будет дрожать перед германцами, парфянами, христианами. Что империя – не вечна. Что она трещит по швам уже сейчас, под тяжестью долгов, зависти, страха.

Центурион занёс меч.

Спартак не отводил взгляд.

И в эту секунду – не чудо. Не божественное вмешательство. Просто знание.

Он знал: центурион левша. Знал по износу ремня на правом плече. Знал: удар будет направлен в шею слева направо – стандартная техника гладиаторской школы Капуи, где когда-то учился и сам Спартак. Знал: после замаха корпус откроется на долю секунды.

Два движения.

Левая рука Спартака – в грязь. Хватает обломок копья. Правая – вверх, отводит локоть центуриона.

Меч проносится мимо.

Обломок копья вонзается под шлем. В горло. Глубоко. С хрустом хряща.

Центурион падает. Без крика. Только бульканье крови.

Спартак поднялся на ноги.

Вокруг – легионеры. Десятки. Сотни. Они смотрят на него – на раба, который только что убил центуриона, стоя на коленях. На того, кто должен был умереть.

Он поднял меч павшего.

И посмотрел на холм, где стоял Красс.

Не с ненавистью. Не с яростью.

Со знанием цены.

Ты думал, это конец? – подумал он, и мысль была уже не фракийца, а того, кто помнил будущее. – Это только начало. Я знаю твои страхи, Красс. Я знаю, что ты боишься Помпея больше, чем меня. Я знаю, что твои легионы голодны и недовольны. Я знаю, где твои запасы зерна. Я знаю, кто из твоих сенаторов готов продать тебя за мешок серебра.

Везувий за его спиной извергал пепел.

Закат окрашивал небо в цвет свежей крови.

Спартак шагнул вперёд.

Первый шаг.

Не к смерти.

К победе.

За ним, из-за холмов, послышался гул. Не римских труб. Другой звук. Крики. Топот. Его люди – те, кто выжил, кто прятался, кто ждал сигнала.

Он поднял меч.

И крикнул не на фракийском. Не на латыни.

На языке будущего, которое теперь будет другим:

– Рим падёт. Вопрос лишь в том – сколько крови за это заплатят.

И легионы впервые за долгие годы почувствовали то, чего не знали с дней Ганнибала:

Страх перед тем, кто не верит в милосердие.

Страх перед тем, кто играет в стратегию.

Страх перед тем, кто решил переиграть саму историю.

Глава 1. Чужая память в чужом теле

Пробуждение в каменном мешке. Два сознания в одной плоти: раб-фракиец и тот, кто помнит будущее.

Тьма.

Не ночная – безысходная. Тьма, впитавшая в себя запахи пота, крови, мочи и плесени. Тьма, которая давит на глазные яблоки, будто каменная плита на груди мертвеца.

Первое, что вернулось – не мысль. Боль.

Острая, пульсирующая боль в виске. Затем – в рёбрах. В плече. В местах, где римские палки встречались с плотью фракийца по имени Спартак. Тело помнило каждую рану. Каждый удар. Каждое унижение.

Он лежал на каменном полу, лицом вниз. Под щекой – влажная слизь. Где-то рядом храпел кто-то. Хрипло, с хрипом умирающего зверя. Капала вода. Кап-кап-кап. Мерный, безжалостный ритм подземелья.

Где я?

Вопрос возник не на латыни. Не на фракийском наречии горцев с берегов Стримона. На русском. Слова матери, запах борща, экран смартфона, последняя мысль перед… перед чем?

Пустота.

А затем – наводнение.

Вторая память ворвалась в сознание, как враг в распахнутые ворота города. Не плавно. Не мягко. С рёвом обрушившегося неба.

Имя – Спартак. Племя – Майди. Горы Фракии. Охотник. Воин. Пленён римлянами при переправе через Хебр. Продан на невольничьем рынке в Аполлонии. Куплен ланцерарием Батиатом для школы гладиаторов в Капуе. Возраст – двадцать восемь зим. Жена – Спартака, осталась в горах. Сын – мёртв от лихорадки ещё до пленения.

Имена. Лица. Запахи горного ветра. Вкус дыма костра. Ощущение лука в руках – не деревянной игрушки, а оружия, выструганного из тиса собственными руками. Память тела: как ставить ногу на склоне, как дышать в мороз, как наносить удар кинжалом под рёбра – коротко, без лишнего движения.

Это было не воспоминание. Это было бытие.

Он был Спартаком.

Но он также был… кем-то ещё.

Кем-то, кто знал, что Фракия через сто лет станет римской провинцией. Кто помнил лица актёров в фильмах о гладиаторах. Кто знал, что Везувий однажды проснётся и похоронит Помпеи под пеплом. Кто читал Плутарха в университетской библиотеке, листая страницы между парой по политологии.

Два сознания. Одна плоть.

Голова раскалывалась. Он приподнялся на локтях – и тут же замер. В темноте мелькнуло движение. Тень. Ещё одна. Тела, сплетённые в клубок сна и отчаяния. Десятки тел. Может, сотня. В подземелье гладиаторской школы Батиата не было коек. Был камень. И цепи.

Он пошевелил рукой. Цепь звякнула. Короткая – три шага свободы от стены до соседа. Этого хватало, чтобы дотянуться до деревянного корыта с водой. Не хватало, чтобы убежать.

Убежать.

Слово прозвучало в сознании как кощунство. Раб не убегает. Раб терпит. Раб надеется на милость хозяина. Раб молится богам, которых давно забыл.

Но Спартак – фракиец – не молился. Он помнил горы. Помнил свободу. И в его памяти жила ярость – чистая, неотёсанная, как каменный нож.

А тот, другой – современный человек – думал о тактике. О логистике. О том, что Капуя стоит на Виа Аппия. Что отсюда до Везувия два дня быстрого хода. Что зимой 73 года до н.э. в Кампании будет неурожай. Что римские легионы сейчас заняты в Испании и Македонии. Что сенат Рима охвачен борьбой между оптиматами и популярами. Что Красс и Помпей ненавидят друг друга больше, чем любого восставшего раба.

Знание. Холодное. Бесстрастное. Как карта в архиве.

Но тело помнило иное.

Он провёл рукой по лицу. Пальцы нащупали шрам над бровью – свежий, ещё не затянувшийся. Удар палкой тренера. За то, что отразил атаку меча вместо того, чтобы принять её красиво – как требует зрелище.

Гладиатор. Не воин. Актёр смерти.

В темноте кто-то застонал. Животный звук боли. Затем – тишина. Потом – шорох. Цепи зазвенели в такт чьим-то шагам.

– Ты жив? – прошелестел голос на ломаной латыни с фракийским акцентом.

Он не ответил. Не знал, как ответить. Каким голосом? Каким языком? Какой частью себя?

– Молчит, – прошептал другой голос. Греческий. Бывший учитель из Афин, проданный за долги. – Значит, скоро умрёт. Как все после первого боя.

Первого боя.

Картина вспыхнула в сознании – не воспоминание фракийца, а знание попаданца. Амфитеатр в Капуе. Песок. Толпа. Крики. Противник – галл с топором. Спартак вооружён только щитом и коротким мечом. Он побеждает. Но не убивает. Отпускает противника. И за это получает палками от тренера – милосердие не продаётся на арене.

Это было завтра.

Или вчера?

Время сплелось в узел. Прошлое Спартака-фракийца, будущее Спартака-попаданца, настоящее – эта каменная яма – всё смешалось в один кошмарный коктейль.

Он попытался встать. Цепь натянулась. Боль пронзила плечо. Он застонал – и звук, вырвавшийся из груди, был чужим. Низким. Хриплым. Голосом раба.

– Тихо, – прошипел грек. – Стражник услышит. Даст по почкам – и тогда точно не поднимешься.

Стражник.

Слово вызвало в памяти образ: толстый римлянин с прыщавым лицом, в потрёпанном панцире, с дубинкой, обитой железом. Любит бить по коленям. Говорит, что гладиаторы и так слишком много бегают.

Но вместе с образом пришла цифра: через три месяца этот стражник умрёт от дизентерии. Его заменит ветеран с Марса – жестокий, но предсказуемый. У того слабость к вину. Каждую среду он пьёт до беспамятства.

Откуда это? Из книги? Из документального фильма? Или из будущего, которое ещё не наступило?

Он прислонился лбом к холодной стене. Камень пах сыростью и отчаянием. Где-то наверху, за толщей земли и камня, был мир. Солнце. Воздух. Дороги. Города.

И Рим.

Не город. Идея. Система. Механизм, перемалывающий людей в рабов, рабов – в гладиаторов, гладиаторов – в зрелище, зрелище – в политические очки для сенаторов.

Механизм, который он знал изнутри. Потому что читал о нём. Изучал. Анализировал.

А фракиец в нём знал иное: как этот механизм пахнет изнутри. Как пахнет потом на арене. Как хрипит горло перед смертью. Как холоден песок под щекой умирающего.

Два знания. Одна ненависть.

– Эй, – снова прошелестел грек. – Ты фракиец? Из племени Майди?

Он кивнул. Движение вышло резким, непривычным для тела.

– Я видел твой бой. Ты не убил галла. Глупо. Но… мужественно.

Бой ещё не состоялся, – хотел сказать он. Но язык не слушался. Слова путались. Латынь давалась тяжело – фракиец знал её плохо, а современный человек помнил лишь обрывки из курса истории.

– Зачем? – прохрипел он наконец. – Зачем отпускать врага?

Грек замолчал на долгую минуту. Кап-кап-кап. Вода. Тьма. Тяжесть цепей.

– Потому что он не враг, – тихо ответил грек. – Враг – наверху. Тот, кто нас сюда бросил. А галл… он тоже раб. Как мы. Как ты.

Слова ударили точно в цель. Не в сердце – в разум. В тот уголок сознания, где ещё теплилась надежда на «цивилизованное» поведение. На правила игры.

Но игры здесь не было.

Была мясорубка.

И он – Спартак – стоял в её центре. С двумя памятями. С двумя страхами. С двумя яростями.

Он закрыл глаза.

И начал сортировать.

Что я знаю?

Рим 73 год до н.э. Восстание Спартака. Началось в гладиаторской школе Батиата. Семьдесят восемь рабов сбежали через кухню, вооружившись ножами для разделки мяса. Укрылись на Везувии. Собрали армию из беглых рабов – до 120 тысяч человек. Разбили несколько римских армий. Добрались до Альп. Но Спартак повернул обратно в Италию. Ошибка? Предательство союзников? Непонимание стратегии? Историки спорят два тысячелетия.

Финал известен. Битва у Силара. Поражение. Смерть Спартака в бою. 6000 распятых вдоль Аппиевой дороги от Капуи до Рима.

Обречённость.

Слово, которым историки описывали восстание. Красивое. Трагическое. Бесполезное.

Но он больше не был историком.

Он был Спартаком.

И обречённость – не приговор. Это вызов.

Что я могу изменить?

Не всё. Не сразу. Но кое-что – да.

Он вспомнил детали, которые ускользали от древних авторов. Детали, которые знали только археологи и специалисты:

– Зимние пути через Апеннины. Не те, что на картах римлян. Старые пастушьи тропы, известные только местным.

– Система водоснабжения Капуи. Акведуки, которые можно отравить или перекрыть.

– Долги сенатора Лентула – его поместья в Кампании стоят на заложенных землях. Один пожар – и он банкрот.

– Связи Красса с пиратами Киликии. Тёмная история. Шантажируемая.

– Слабость римской брони в области подмышек. Зазор между нагрудником и наручем. Узкий клинок пробивает легко.

Это не магия. Не чудо. Это знание. Оружие, которое не нужно ковать.

Но тело напомнило о себе. Боль в рёбрах. Голод в животе. Жажда в горле. Цепь на ноге.

Знание ничего не значит, если ты прикован к стене.

– Слушай, – прошептал он греку. – Как тебя зовут?

– Клеон.

– Клеон… Ты хочешь жить?

Грек рассмеялся – коротко, горько.

– Все хотят жить. Но не все достойны этого.

– Я не спрашиваю о достоинстве. Я спрашиваю о воле.

Тишина. Длинная. Только капанье воды и храп умирающего где-то в углу.

– Воля есть, – наконец ответил Клеон. – Но воля без плана – путь к кресту.

– План появится.

– Откуда?

Он не ответил. Не мог объяснить. Из будущего – звучало как безумие. Из книг – как слабость. От богов – как ересь.

Он просто знал.

И в этот момент что-то щёлкнуло внутри. Не в разуме. Глубже. В самой плоти.

Память фракийца и память попаданца перестали воевать. Они начали сливаться.

Как два ручья, впадающих в одну реку.

Фракиец дал телу – силу, инстинкты, знание боли и выживания. Попаданец дал разум – стратегию, контекст, понимание системы.

Из слияния родилось нечто новое.

Не Спартак-раб. Не Спартак-герой из учебников. Не современный человек в древнем теле.

Человек, который знал цену свободы. Потому что потерял её дважды – в прошлом и в будущем.

– Завтра, – прошептал он Клеону, – когда нас поведут на тренировку… смотри на кухню. На ножи.

– Ты с ума сошёл? Нас там четверо стражников. И все с мечами.

– Стражники пьют вино перед обедом. У первого – слабое правое колено. У второго – дрожит рука после вчерашней драки. У третьего – сын болен, он отвлечён. У четвёртого… четвёртый не доживёт до обеда.

Клеон замер.

– Откуда ты знаешь?

Он не ответил. Просто лег обратно на камень. Закрыл глаза. И позволил двум памятям течь в одном русле.

Где-то наверху прокричала птица. Первый луч солнца коснулся вершины Везувия.

До побега оставалось тридцать шесть часов.

До начала конца Рима – три года.

А пока – цепи. Тьма. И два сердца, бьющихся в одном теле.

Сердце раба, который не верил в милосердие.

И сердце человека, который знал: милосердие – привилегия победителей.

А победа ещё впереди.

Глава 2. Кухня смерти

Не мечи – ножи для разделки мяса. Первый урок новой реальности: выживает не сильнейший, а умнейший.

Рассвет пришёл не как свет – как изменение запаха.

Тьма подземелья сгустилась, стала тяжелее, а затем – разбавилась. В щель под тяжёлой дубовой дверью просочился серый свет и запах: дыма, гнилых овощей, крови и чеснока. Запах кухни. Запах жизни наверху.

Цепи зазвенели по всему подземелью. Не одновременно – волной. Сначала у двери, затем ближе к углам. Рабы просыпались. Не потому что хотели. Потому что голод сверлил животы, а мочевой пузырь требовал освобождения.

Спартак уже был на ногах.

Он стоял, прислонившись спиной к стене, и дышал. Медленно. Глубоко. Как учил его старый охотник из племени Майди: «Дыхание – мост между страхом и решимостью. Перейди его – и ты уже не жертва».

Это были слова фракийца. Но дыхал сейчас не фракиец. Дышал тот, кто знал: через два часа начнётся побег. Через три – первая кровь. Через шесть – свобода или крест.

Клеон смотрел на него в темноте. Глаза грека блестели – не от страха. От любопытства. Учитель всегда был любопытен. Даже перед лицом смерти.

– Ты не спал, – констатировал он.

– Сон – роскошь свободных.

Дверь скрипнула. Засов отодвинули с лязгом, от которого вздрагивали все цепи. В проёме возник силуэт – коренастый, с дубинкой в руке. Секст, старший надзиратель. Не стражник. Хуже. Надзиратель – это тот, кто получает удовольствие от чужой боли.

– Вставать, псы! – рявкнул он. – Кухня ждёт. Сегодня Батиат устраивает пир для сенатора. Значит, вы будете резать мясо, пока ваши животы ревут от голода. Как вам такая ирония?

Он рассмеялся. Смех был мокрым, булькающим – в горле у Секста, как знала память Спартака-попаданца, росла опухоль. Через четыре месяца он задохнётся собственной кровью. Но сегодня он был жив. И жесток.

Цепи отковали по одному. Не всех – только двадцать человек. Тех, кого забирали на кухню. Спартака – в числе первых. Его силу ценили: он мог разделать быка за час.

Когда железные кольца упали с лодыжек, Спартак пошатнулся. Ноги онемели. Кровь с трудом вернулась в ступни. Но он не упал. Устоял. И в этот момент – почувствовал.

Свободу.

Не метафорическую. Физическую. Три шага без цепи – уже свобода. Потому что три шага – это удар. Удар локтем в горло. Удар коленом в пах. Удар головой в нос.

Он запомнил всё за миг:

Секст стоит слишком близко – ошибка новичка. Дубинка в правой руке – левая свободна, но расслаблена. На поясе – ключи. Три связки. От подземелья, от оружейной, от ворот школы.

««Ключи»», – прошептало сознание попаданца. Не ножи. Ключи.

Но фракиец знал иное: ключи – символ власти. Ножи – инструмент выживания. Сначала ножи. Потом – ключи.

Их вытолкали в коридор. Узкий, низкий, выложенный сырым камнем. Факелы в нишах коптили стену, отбрасывая дрожащие тени. Тени рабов тянулись вперёд – длинные, искажённые, будто сами они уже мертвы и идут в загробный мир.

Кухня находилась в восточном крыле школы. Просторное помещение с очагом по центру, дымящейся трубой под потолком и длинными деревянными столами, исцарапанными ножами

десятилетий. На столах – туши свиней, баранов, коз. Кровь стекала в жёлоб у краёв, уходя в подполье. Где-то там, в темноте, кишели крысы.

У стен – стойки с ножами. Десятки. Сотни. Короткие для потрошения, длинные для разделки, изогнутые для снятия шкуры. Все – острые. Все – доступные.

Но между рабами и стойками стояли стражники.

Четверо. Как и предсказал Спартак ночью.

Первый – Марк, ветеран с испанских войн. Шрам через всё лицо. Правое колено подвязано тряпкой – старая рана от иберийской дротика. Пьёт вино с утра, чтобы заглушить боль.

Второй – Луций, молодой, горячий. Руки дрожат после вчерашней попойки с проститутками из таверны у ворот. Глаза красные. Реакция замедленная.

Третий – Гай, средних лет. Спокойный. Но сегодня – отвлечённый. Его сын, мальчик семи лет, болен лихорадкой. Жена прислала раба с весточкой утром: «Мальчик не узнаёт меня. Приходи».

Четвёртый – Децим. Толстый. Жадный. Любит брать взятки у поваров за лучшие куски мяса. Сегодня он не доживёт до обеда.

Спартак это знал. Не предчувствовал. Знал.

– Работать! – рявкнул Секст, плюнув на пол рядом с ногой Спартака. – Быстро! Сенатор не любит ждать!

Рабы рассыпались по столам. Спартак получил тушу барана – крупного, жирного. Работа для двоих. Но ему дали одного напарника – худого галла по имени Бренн. Молчаливый. Глаза – как у загнанного волка.

Спартак взял нож. Короткий, изогнутый. Острый как бритва – повар заботился об инструменте. Пальцы фракийца легли на рукоять так, будто никогда её не отпускали. Тело помнило: не как резать мясо – как резать горло.

Первый удар – Марку. В колено. Не убивать. Обездвижить. Второй – Луцию. Нож в живот, но не глубоко – чтобы вывести из строя, не убить. Третий – Гаю. Он не будет сопротивляться – мыслями он уже дома, у постели сына. Четвёртый…

– Ты сегодня странный, – прошептал Бренн, принимаясь за шкуру барана. – Смотришь на стражников, как волк на овец.

Спартак не ответил. Просто кивнул в сторону стойки с ножами.

– Видишь длинный, с костяной рукоятью? Возьми его, когда начнётся.

Бренн замер. Глаза расширились.

– Начнётся что?

– Побег.

Галл рассмеялся – тихо, беззвучно. Смех безумца.

– Побег? Через кухню? Нас двадцать. Их – десятки наверху. И легионеры в Капуе в двух часах пути.

– Легионеры не успеют.

– Почему?

Спартак посмотрел на него. Прямо. Без страха. Без лжи.

– Потому что я знаю, что они будут делать через два часа. А они – нет.

Бренн уставился на него. Долго. Потом кивнул. Однажды. Коротко. Волк принял вызов.

Спартак вернулся к работе. Резал мясо. Снимал шкуру. Потрошил. Движения были точными, экономными. Каждый жест – без лишней траты сил. Но разум работал иначе.

Он считал.

Секст уйдёт через пять минут – проверять подземелье. Останется четверо стражников. Марк подойдёт к кувшину с вином через три минуты – жажда берёт своё. Луций отвернётся к окну – его тошнит после вчерашнего. Гай будет стоять у двери, но взглядом – в никуда. Децим… Децим подойдёт к нам. Он любит отбирать лучшие куски.

План созревал не в голове. В крови. В костях. В слиянии двух сознаний.

Фракиец знал: как нанести удар.

Попаданец знал: когда нанести удар.

Секст выругался и зашагал к двери.

– Следите за ними, свиньи! – бросил он стражникам. – Если хоть один кусок мяса пропадёт – кожу спущу!

Дверь закрылась за ним.

Тишина. Только треск дров в очаге и капанье крови в жёлоб.

Марк потянулся к кувшину.

Луций отвернулся к узкому окну.

Гай уставился в пол, губы шевелились – молился богам за сына.

Децим шагнул к столу Спартака. Жирная рука потянулась к вырезке барана.

– Эта мне, – прохрипел он.

Спартак не ответил. Просто продолжал резать мясо. Но пальцы сжали нож иначе. Не для разделки. Для убийства.

Децим наклонился ближе. Запах вина и прогнивших зубов ударил в нос.

– Я сказал, эта мне, раб!

И в этот момент Спартак ударил.

Не в горло. Не в сердце. В глаз.

Нож вошёл легко – глазное яблоко не сопротивляется. Децим даже не успел вскрикнуть. Только хрип – короткий, мокрый – и тело рухнуло на пол, барахтаясь в собственной крови.

Марк обернулся. Кувшин выскользнул из руки. Вино разлилось по камням.

– Что за…

Спартак уже был рядом. Не бежал – скользил. Как тень. Как охотник.

Нож Марка – в ножнах. Дубинка – на столе. Колено – больное.

Спартак ударил ногой. Точно в коленную чашечку.

Хруст. Визг. Марк упал на одно колено, хватаясь за ногу. Спартак навалился сверху, зажимая рот ладонью. Нож – под рёбра. Один. Два. Три раза. Не глубоко. Чтобы не кричал. Чтобы не двигался.

Луций повернулся от окна. Глаза расширились. Рука потянулась к мечу.

Но Бренн был быстрее.

Галл схватил длинный нож с костяной рукоятью и метнул. Не как дротик – как топор. Нож вонзился в плечо Луция, выбив меч из руки. Галл бросился вперёд, повалил стражника на пол, прижал нож к горлу.

– Дыши – умрёшь, – прошипел он.

Луций замер. Дрожащий. Живой. Пока живой.

Гай стоял у двери. Не двигался. Не кричал. Смотрел на Спартака.

– Мой сын… – прошептал он. – Ты отпустишь меня к сыну?

Спартак подошёл. Медленно. Нож в руке. Кровь Децима на предплечье.

– Ты уйдёшь, – сказал он. – Но не к сыну. Ты уйдёшь к легату в Капуе. Скажешь: «Спартак бежал. Взял оружие. Идёт на Везувий». Скажешь это – и твой сын получит золото. Много золота. Мои люди принесут его твоей жене.

Гай моргнул. Не понял.

– Какое золото? Откуда…

– Не спрашивай. Просто скажи легату эти слова. И живи.

Гай кивнул. Раз. Два. Потом развернулся и выбежал из кухни. Не к оружию. К свободе. К сыну.

Спартак обернулся к остальным рабам. Двадцать пар глаз смотрели на него. В некоторых – страх. В других – надежда. В-третьих – ярость.

– Ножи! – крикнул он. – Берите ножи! Кто хочет жить – за мной! Кто хочет умереть рабом – оставайтесь!

Десять человек бросились к стойкам. Пятеро замерли. Пятеро – попятились к стене.

Спартак не осуждал. Он знал: не все готовы к свободе. Для некоторых рабство – привычка. Как цепь на ноге – сначала больно, потом – не замечаешь.

– Бренн! – крикнул он галлу. – Зажги факел! Поджигай жир на столах!

Бренн кивнул. Схватил факел из стены, поднёс к жиру на столе с бараниной. Пламя вспыхнуло мгновенно – жир горит, как факел. Огонь перекинулся на соседний стол. Потом на третий.

Дым. Густой, чёрный, едкий.

– Все к задней двери! – скомандовал Спартак. – Быстро!

Они бежали через кухню, перепрыгивая через тела Марка и Децима. Луций лежал связанный поясом Бренна – живой, но беспомощный.

Задняя дверь вела во двор для отходов. Маленький, грязный, огороженный каменной стеной. За стеной – улица Капуи. За улицей – дорога на Везувий.

Спартак первым подбежал к двери. Открыл. Выглянул.

Пусто. Раннее утро. Торговцы ещё не вышли. Рабы-носильщики спят в бараках.

– Вперёд! – крикнул он. – Бегите к Везувию! Кто отстанет – тот умрёт!

Десять человек выскочили во двор. Потом ещё трое – те, кто сомневался, но страх перед огнём оказался сильнее страха перед свободой.

Спартак задержался последним. Оглянулся на кухню. На тела. На огонь, пожирающий стены школы Батиата.

Первый шаг, – подумал он. Не к свободе. К войне.

И в этот момент – голос Клеона.

Грек стоял у входа в кухню. Не с ножом. С ключом. Большим, медным, с зубцами как у змеи.

– Я взял его с пояса Секста, – сказал он спокойно. – Когда он возвращался и увидел дым – побежал за подмогой. Я… подставил нож. Он упал. Я взял ключ.

Спартак посмотрел на ключ. Потом на Клеона.

– Зачем?

– Потому что в подземелье осталось шестьдесят восемь человек. И они тоже хотят жить.

Спартак кивнул. Один раз. Коротко.

– Тогда беги к ним. Открой дверь. Скажи: «Спартак ждёт на Везувии». Пусть идут сами. Мы не сможем их прикрыть.

Клеон кивнул. Развернулся. Побежал обратно в школу – навстречу огню и смерти. Чтобы дать другим шанс.

Спартак вышел во двор. Захлопнул дверь. И побежал.

За ним – дым. Пепел. И крики пробуждающейся Капуи.

Впереди – гора. Вулкан. Святилище богов.

И первая база свободной армии.

Он бежал не как раб. Не как гладиатор. Как стратег.

Потому что знал: ножи для разделки мяса – лишь начало. Скоро понадобятся мечи. Щиты. Копья.

И знание – как их взять у врага.

Не силой. Хитростью.

Потому что выживает не сильнейший.

Выживает умнейший.

Глава 3. Кровь на мраморе

Бунт в школе Батиата. Но теперь – не стихийный взрыв, а хирургический удар по горлу системы.

Дым поднимался над Капуей столбом.

Не праздничным – похоронным. Чёрным, жирным, с искрами пепла, кружащегося в утреннем воздухе, как пепел сожжённых надежд. Спартак бежал по узким улочкам, мимо домов с белёными стенами и мозаичными двориками, мимо лавок, где торговцы только начинали расставлять товар. Никто не кричал «пожар». Рабы горят – не новость. Но дым из школы Батиата – это уже тревога.

Он остановился у поворота, за углом винной лавки. Перевёл дух. Сердце колотилось – не от бега. От расчёта.

Секст мёртв. Децим мёртв. Марк умирает. Луций связан. Гай бежит к легату. Клеон внутри – освобождает подземелье. Десять человек бегут ко мне. Шестьдесят восемь – ждут у двери.

Цифры складывались в формулу. Формула – в план.

Он знал планировку школы лучше, чем её хозяин. Потому что изучал её не как раб – как стратег. В памяти всплывала схема: кухня на востоке, подземелье под северным крылом, тренировочный двор по центру, покои Батиата – на втором этаже южной башни. Оружейная – за тренировочным двором, за железной дверью с тремя засовами. Ключи – у Батиата на поясе и у старшего тренера Квинта.

Квинт, – вспомнил попаданец. Бывший легионер. Правая рука парализована после ранения в Третью Самнитскую. Держит меч левой. Медленный на поворотах. Пьёт опийное вино каждую ночь от боли. Утром – в тумане.

Спартак обернулся. Из переулка выскочили трое – Бренн и двое других: крупный германец по имени Эномай и худой фракиец, младший брат Спартака по племени – Рет.

– Где остальные? – хрипло спросил Бренн, сжимая окровавленный нож.

– Кто-то побежал к Везувию. Кто-то – спрятался. Клеон внутри – освобождает подземелье.

Эномай сплюнул на мостовую. Кровь. Своя или чужая – не разобрать.

– Значит, нас четверо. Против всей школы. И легионов за воротами.

– Не против школы, – спокойно ответил Спартак. – Против системы. А система – это не стены. Это люди. Их привычки. Их слабости.

Он указал на дым над крышами.

– Сейчас в школе паника. Стражники бегают к кухне. Тренеры – к Батиату. Оружейная пуста. Пять минут – и мы возьмём её.

– Пять минут? – фыркнул Эномай. – Ты сошёл с ума! Нас четверо!

– Через пять минут нас будет семьдесят.

Спартак развернулся и побежал обратно. Не к главным воротам – к задней стене школы, где сливные трубы уходили в канаву за пределы комплекса. Там, под каменной аркой, стояла калитка для выноса отходов. Узкая. Ржавая. Охраняемая одним стражником – стариком с больными ногами, который спал на посту каждое утро после смены.

Старик спал.

Спартак подкрался сзади, зажал рот ладонью, перерезал горло коротким движением. Без крика. Без борьбы. Только хрип и тёплая кровь на руках.

– Быстро, – скомандовал он. – Внутрь.

Калитка скрипнула. За ней – узкий коридор, ведущий к конюшням. Оттуда – запах навоза и лошадиного пота. И крики. Панические. Где-то рухнула балка – огонь добрался до стропил.

– Разделяемся, – прошептал Спартак. – Бренн – к оружейной. Эномай – к тренировочному двору. Рет – со мной к подземелью. Бренн, запомни: три засова. Верхний – сдвинуть вправо. Средний – влево. Нижний – вверх. Не перепутай.

Галл кивнул. Глаза горели. Не яростью – решимостью.

Они разбежались.

Спартак и Рет помчались к северному крылу. По пути – тела. Двое стражников, зарезанных освобождёнными рабами. Кровь на мраморной плитке тренировочного двора – алые пятна на белом фоне. Красота и смерть. Римская эстетика.

У входа в подземелье стоял Клеон. И за ним – толпа.

Не толпа рабов. Армия.

Шестьдесят восемь человек. Грязных. Измождённых. Но с горящими глазами. В руках – цепи, обломки копий, кухонные ножи. Один держал факел – пламя отражалось в зрачках, как искры будущего.

– Они ждут тебя, – сказал Клеон. – Не меня. Тебя.

Спартак подошёл к краю ступеней. Посмотрел на них. На каждого. На лица, иссечённые шрамами, на спины, покрытые следами кнута, на глаза, которые слишком долго смотрели вниз.

– Вы свободны, – сказал он. Не громко. Но так, чтобы услышали все. – Но свобода – не слово. Это выбор. Вы можете бежать сейчас – к Везувию, к лесам, к своим домам. Или можете остаться. И взять то, что принадлежит вам по праву.

– Что принадлежит? – крикнул кто-то из толпы.

– Оружие. Честь. Месть.

Тишина. Только треск огня где-то наверху.

– Мечи в оружейной, – продолжал Спартак. – Щиты. Доспехи. Всё, что римляне отобрали у нас – там. Но дверь закрыта. И через минуту туда придут тренеры. С мечами. С кнутами. С приказом убить каждого, кто вышел из подземелья.

Он сделал паузу. Дал словам осесть.

– Кто пойдёт со мной – получит меч. Кто останется – получит кнут. Выбор за вами.

Он развернулся и побежал к оружейной. Не оглядываясь.

Шаг. Два. Три.

За спиной – топот. Один. Потом десять. Потом все шестьдесят восемь.

Он не обернулся. Не нужно. Он знал: те, кто пошёл – пошли навсегда. Те, кто остался – уже мертвы. Просто ещё не легли в могилу.

Оружейная находилась за углом тренировочного двора. Железная дверь. Три засова. И Бренн – стоящий перед ней с окровавленным лицом.

– Не успел, – выдохнул галл. – Засовы тяжёлые. Нужны двое.

– Эномай! – крикнул Спартак.

Германец подбежал с тренировочного двора. В руках – деревянный меч, но глаза горели по-настоящему.

– Тренеры идут, – прохрипел он. – Квинт впереди. С мечом.

– Значит, у нас есть тридцать секунд.

Спартак встал у двери. Бренн – слева. Эномай – справа. Руки на засовах.

– Раз… два… три!

Засовы отодвинулись с лязгом, от которого вздрогнули все в коридоре. Дверь распахнулась.

Внутри – тьма. И запах металла. И тысячи возможностей.

Спартак первым шагнул внутрь. Нащупал факел на стене. Зажёг от Бреннова огня.

Пламя озарило комнату.

Мечи на стойках. Щиты у стен. Копья в углу. Доспехи – кожаные и бронзовые. Шлемы с гребнями. И кинжалы – десятки кинжалов в ящиках у пола.

Но главное – не оружие.

Главное – стол по центру. На столе – мешок с серебром. И свиток. Список имён. Имена рабов. Цены. Даты покупки. И пометки: «для арены», «для тренировок», «брак – уничтожить».

Спартак подошёл к столу. Взял свиток. Развернул.

И увидел своё имя.

Спартак, фракиец, 28 лет, куплен в Аполлонии за 8000 сестерциев. Назначение: мурмиллон. Перспектива: триумф на арене через 6 месяцев. Риск: высокий – склонен к неповиновению.

Подпись: Лентулий Батиат, ланцерарий.

Спартак медленно разорвал свиток. Потом бросил на пол. Плюнул на имя.

– Берите оружие, – сказал он тихо. – Каждый – по мечу и щиту. Копья – тем, кто умеет метать. Доспехи – командирам.

Они набросились на оружие. Не как толпа. Как армия. Кто-то помогал другому надеть нагрудник. Кто-то точил меч о камень у стены. Кто-то – просто стоял и плакал, держа в руках сталь, которой его учили бояться.

Спартак выбрал меч сам. Длинный гладиус с бронзовой рукоятью. И щит – прямоугольный, с выступом по центру для удара. Не гладиаторский щит для зрелищ. Настоящий. Легионерский.

Он повернулся к двери.

И увидел их.

Квинт впереди. Седой, с лицом из морщин и шрамов. Меч в левой руке – дрожит от боли или ярости. За ним – четверо тренеров. С кнутами и короткими мечами. И позади всех – сам Батиат.

Толстый. В шёлковой тунике. Без оружия. С лицом, искажённым не страхом – унижением. Его рабы. Его собственность. Его инвестиции – стоят с мечами в руках.

– Спартак! – прошипел он. Голос дрожал. – Брось меч. Я прощу тебя. Ты будешь сражаться на главной арене в Риме. Перед самим Крассом! Золото! Слава! Свобода через год!

Спартак сделал шаг вперёд. Потом ещё один. Остановился в двух шагах от Батиата.

– Ты продаёшь свободу? – спросил он тихо. – Как товар на рынке?

– Это реальность! – выкрикнул Батиат. – Ты раб! Ты ничего не стоишь без меня!

Спартак поднял меч. Не для удара. Для слова.

– Я стою ровно столько, сколько ты заплатил за меня на рынке. Восемь тысяч сестерциев. Но свобода… свобода не продаётся.

И он опустил меч.

Не на Батиата. На стол с мешком серебра.

Меч рассёк мешок. Монеты рассыпались по полу – серебряные диски, звенящие, как смех богов.

– Вот твоя свобода, Батиат, – сказал Спартак. – Собирай.

Ланцерарий замер. Глаза расширились. Он смотрел на монеты – на своё богатство, рассыпанное по камню, как пепел.

И в этот момент Квинт бросился вперёд.

Меч в левой руке. Удар снизу – в живот. Старый приём легионера. Быстрый. Смертельный.

Но Спартак знал этот удар. Знал из книг. Из фильмов. Из памяти фракийца, который сражался с римлянами на Хебре.

Он отступил на полшага. Щитом – отбил клинок в сторону. Мечом – короткий выпад под рёбра. Туда, где заканчивается бронзовый нагрудник.

Квинт замер. Глаза округлились. Меч выпал из руки. Он упал на колени. Потом – лицом вперёд. На рассыпанные монеты.

Тишина.

Батиат смотрел на тело тренера. На монеты в крови. На Спартака с мечом.

– Ты… ты заплатишь за это, – прошептал он. – Красс раздавит тебя. Как таракана.

Спартак подошёл ближе. Остановился над ланцерарием.

– Красс? – повторил он. – Тот самый Красс, который через три года будет мёртв в Парфии? Чья голова станет трофеем для врагов Рима? Ты ставишь на мёртвого человека, Батиат.

Лицо римлянина исказилось. Не от страха. От непонимания. Как раб может знать будущее сенатора?

– Ты… откуда ты…

– Я знаю многое, – перебил Спартак. – Я знаю, что твои долги перед сенатором Лентулом достигли пятидесяти тысяч сестерциев. Я знаю, что твой сын в Афинах тратит деньги на гетер, а не на учёбу. Я знаю, что через месяц тебя вызовут в Рим – и ты не вернёшься живым.

Батиат побледнел. Это были тайны. Секреты. Никому не известные.

– Кто ты? – прошептал он.

Спартак наклонился. Посмотрел в глаза ланцерария. И сказал то, что сказал бы только бог – или демон:

– Я тот, кого ты купил за восемь тысяч сестерциев. И который вернётся за твоей жизнью.

Он не убил Батиата.

Просто отступил. И кивнул Энонаю.

Германец схватил ланцерария за шиворот и вытолкнул в коридор. К остальным стражникам. Пусть живёт. Пусть расскажет в Риме: рабы восстали. И их вождь знает будущее.

Спартак обернулся к своим.

Семьдесят восемь человек. Теперь все вооружены. Все смотрят на него. Не как на раба. Не как на гладиатора.

Как на вождя.

– Мы уходим, – сказал он. – Через главные ворота. Не тайком. Открыто. Пусть Рим видит: его рабы больше не боятся.

Они вышли на тренировочный двор.

Солнце стояло уже высоко. Дым от кухни поднимался к небу. На мраморной плитке – кровь. Много крови. Кровь стражников. Кровь тренеров. Кровь рабов, павших за свободу.

Красные пятна на белом камне.

Кровь на мраморе.

Спартак прошёл через двор к главным воротам. Железные створки были закрыты изнутри засовом. Двое рабов сняли его. Скрип металла. Ворота распахнулись.

За ними – улица Капуи. И люди. Много людей. Торговцы. Прохожие. Рабы с корзинами. Все смотрели на дым над школой. И теперь – на вооружённых рабов, выходящих через главные ворота.

Никто не кричал. Не бежал. Просто смотрели. С изумлением. С ужасом. С надеждой.

Спартак остановился на пороге. Поднял меч к небу.

– Мы – свободные! – крикнул он на латыни. Громко. Чётко. Чтобы услышал каждый. – Кто хочет свободы – идите за нами! На Везувий!

И он шагнул вперёд.

Первый. За ним – семьдесят восемь. За ними – десятки. Сотни. Те, кто стоял на улице, бросали корзины, срывали цепи, хватали камни, палки, всё, что могло стать оружием.

Армия росла на глазах.

Не стихийный бунт. Не толпа разъярённых рабов.

Хирургический удар.

Потому что Спартак знал: чтобы убить систему, нужно ударить точно. В горло. Где пульсирует страх. Где течёт кровь власти.

И он ударил.
Теперь Рим знал: у него новый враг.
Не раб с копьём.
Человек с планом.

Глава 4. Дорога на Везувий

Бегство не в горы – к оружию. Зачем прятаться, если можно забрать арсенал римского гарнизона?

Улицы Капуи расступались.

Не от страха – от изумления. Горожане видели беглых рабов. Но не таких. Не вооружённых мечами и щитами. Не идущих строем, пусть и неуклюжим. Не ведомых человеком, который смотрел не на землю под ногами, а на горизонт – на дымящийся конус Везувия.

Спартак шёл первым. Меч в правой руке. Щит на левой. За ним – семейство свободы: Бренн с копьём наперевес, Эномай с топором, вырванным из конюшен, Клеон с мешком серебра за плечом, Рет и десятки других – фракийцев, галлов, германцев, греков, нумидийцев. Лица разные. Языки разные. Но в глазах – одно: пламя, которое римляне называли бунтом, а они – свободой.

– На Везувий! – крикнул кто-то сзади. – В горы! Там нас не достанут!

Спартак не обернулся. Просто остановился. Весь строй замер за его спиной.

– В горы? – спросил он тихо. Так тихо, что все замолчали, чтобы услышать. – Зачем?

– Чтобы спрятаться! – выкрикнул молодой галл. – Легионы придут! Нас раздавят!

– Легионы придут, – согласился Спартак. – Но не сегодня. Не завтра. Через десять дней – самое раннее. Сенат должен проголосовать. Консулы должны собрать войска. Легаты – получить приказы. Римская бюрократия медленнее старого мула.

Он обернулся. Посмотрел на каждого.

– А за десять дней мы можем стать армией. Или – толпой, которую раздавят первым же легионом.

– Как стать армией без оружия? – спросил Эномай. – У нас семьдесят восемь мечей. На сотни людей.

Спартак улыбнулся. Не радостно. Хищно.

– Оружие есть. Прямо на нашем пути.

Он указал на дорогу, уходящую на восток – широкую, выложенную камнем, с бороздами от колёс повозок. Виа Аппия. Дорога, связывающая Рим с югом Италии. Дорога побед и триумфов. Дорога, по которой легионы шли умирать в далёких провинциях.

– В двух милях отсюда – форпост. Маленький. Десять легионеров. Командир – ветеран по имени Флавий. Пьёт вино по утрам. Ненавидит службу в Кампании – слишком жарко для старого солдата из Галлии. Его гарнизон охраняет склад: оружие, доспехи, запасы зерна для проходящих легионов.

Тишина. Все смотрели на него.

– Откуда ты знаешь? – прошептал Клеон.

Спартак не ответил. Просто пошёл дальше. В сторону форпоста.

– За мной те, кто хочет не прятаться. А воевать.

Шаг. Другой. Третий.

За ним пошли все.

Форпост стоял на холме у развилки дорог. Невысокая каменная стена с башенкой по центру. Ворота открыты – зачем закрывать в мирной Кампании? У ворот – двое часовых. Молодые. Скучающие. Один точил меч о камень. Другой смотрел на дорогу – в надежде увидеть что-то интереснее пыли и ящериц.

Спартак остановил отряд за поворотом. Спрятал их в оливковой роще.

– Бренн, Эномай – сзади. Через стену у конюшен. Там слабое место – старая кладка. Рет – со мной к воротам. Остальные – ждать сигнала.

– Какого сигнала? – спросил Бренн.

– Когда я крикну «Вольно!» – врывайтесь. Не раньше.

Он снял щит. Оставил меч за поясом. Взял только кинжал – спрятал в рукаве. И пошёл к воротам один. Рет – в десяти шагах позади.

Часовые заметили его за пятьдесят шагов. Встали ровнее. Руки на мечах.

– Стой! – крикнул один. – Кто ты?

Спартак поднял руки. Показал ладони – без оружия.

– Раб Батиата, – ответил он на ломаной латыни. – Бежал. Хочу служить Риму.

Часовой фыркнул.

– Раб? Ты выглядишь как гладиатор.

– Был гладиатором. Теперь – свободный человек. Хочу присоединиться к легионам.

Это была ложь. Но хорошая ложь. Рим брал в легионы вольноотпущенников. Иногда – даже беглых рабов, если они проявляли храбрость.

Часовой ослабил хватку на мече. Любопытство победило осторожность.

– Почему один?

– Остальные побежали в горы. Я – умнее. Знаю: свобода без защиты – иллюзия.

Он подошёл ближе. До ворот – десять шагов. Пять. Три.

– Командир Флавий здесь? – спросил он. – Я хочу говорить с ним.

– Командир пьёт вино в казарме, – усмехнулся часовой. – Но…

Спартак ударил.

Не кинжалом. Кулаком – в горло. Коротко. Жёстко. Часовой согнулся, хватаясь за шею. Второй успел выхватить меч – но Рет был уже рядом. Фракиец прыгнул, сбил легионера с ног, прижал к земле коленом на груди.

– Не убивай, – бросил Спартак. – Свяжи.

Он ворвался во внутренний двор форпоста.

Казарма справа. Склад слева. Конюшня сзади. И по центру – небольшой дворик с колодцем. У колодца – трое легионеров. Игроки в кости. Вино в глиняном кувшине.

Они обернулись на шум.

Спартак не дал им опомниться.

Кинжал из рукава – в шею ближайшего. Второй успел вскочить – получил удар щитом (Рет подхватил щит у связанного часового) в лицо. Третий бросился к казарме – кричать тревогу.

Спартак бросил кинжал.

Метнул как дротик. Клинок вонзился между лопаток беглеца. Тот упал у двери казармы. Не мёртв – но обездвижен.

– Вольно! – крикнул Спартак.

Из-за угла выскочили Бренн и Эномай. За ними – вся армия восставших. Семьдесят восемь человек ворвались в форпост, как волна.

Из казармы высыпали остальные легионеры. Семеро. С мечами. В доспехах. Они выстроились клином – профессионально. Даже в панике римская дисциплина не изменяла.

– За мной! – рявкнул децим – старший после Флавия. – В строй!

Но Спартак уже знал их тактику. Знал из книг. Из фильмов. Из памяти фракийца, сражавшегося с легионами.

– Круг! – крикнул он своим. – Не клин – круг! Окружите их!

Восставшие не поняли тактического смысла. Но повиновались. Разошлись полукругом. Потом замкнули кольцо.

Римляне оказались в центре. Семь мечей против семидесяти восеми. Но легионеры не сдавались. Они бились как демоны – короткие выпады, удары щитом, отступление шаг за шагом к казарме.

Один восставший упал – пронзённый мечом в живот. Второй – с рассечённым лицом.

– Держать круг! – кричал Спартак. – Не подходить близко! Уставят мечи – и умрём все!

Он сам стоял на краю круга. Смотрел. Ждал.

И увидел.

Децим – командир – делал шаг назад каждые три удара. Инстинкт самосохранения. Отступление к двери казармы. К оружию. К запасным мечам.

Спартак кивнул Энонаю.

Германец понял без слов. Отступил от круга. Обогнул сбоку. Затаился у двери казармы.

Децим отступил ещё на шаг. Ещё один. Рука потянулась к ручке двери.

И в этот момент Эномай ударил.

Топором – сверху вниз. Не в голову. В плечо, держащее меч. Децим вскрикнул. Меч выпал. Круг восставших сомкнулся.

Бой закончился за минуту.

Семь легионеров лежали на камнях двора. Двое мертвы. Пятеро ранены. Ни одного пленного – Спартак не брал пленных у профессиональных солдат. Они слишком опасны.

Он подошёл к двери казармы. Толкнул.

Внутри – полумрак. И запах вина.

У стола сидел Флавий. Толстый. Седой. В потрёпанном панцире. Перед ним – кувшин. В руке – кубок. Глаза мутные от опиума и вина.

Он поднял взгляд на Спартака. Не испугался. Просто устало махнул рукой.

– Опоздал на бой, старик, – сказал Спартак.

– Я не воюю с рабами, – прохрипел Флавий. – Это ниже моего достоинства.

– Ты охранял склад с оружием. Это твоя работа.

– Моя работа – умирать за сенаторов, которые никогда не видели настоящей войны. А теперь – пить вино и ждать смерти. Ты её принёс?

Спартак посмотрел на него. Долго. Потом покачал головой.

– Нет. Ты свободен.

Флавий фыркнул.

– Свободен? Я римский гражданин. Я не твой раб.

– Ты свободен уйти. С оружием. С вином. Куда хочешь. Но если через неделю я увижу тебя в рядах легионов против меня – я убью тебя лично.

Старый легионер молчал. Потом допил кубок. Встал. Медленно. Больно – старые раны давали о себе знать.

– Ты не раб, – сказал он наконец. – Ты стратег. Кто ты?

– Спартак.

Флавий кивнул. Раз. И вышел из казармы. Прошёл мимо тел своих солдат. Не оглянулся. Ушёл по дороге на запад – прочь от Везувия, прочь от войны.

Спартак остался один в казарме. Посмотрел на стол. На кубок Флавия. На свиток с приказами сената.

Гарнизон Капуи-2. Командир Флавий. Задача: охрана склада №7 до прибытия легиона Прима. Содержимое склада: 200 мечей гладиус, 150 щитов скутум, 300 пилумов, 50 комплектов доспехов, 10000 модиев пшеницы.

Он свернул свиток. Сунул за пояс.

Вышел во двор.

Восставшие уже разбирали оружие. Те, у кого были мечи – брали щиты. Те, у кого щиты – брали копья. Женщины из числа беглых рабынь перевязывали раненых. Дети – собирали стрелы у стен.

Семьдесят восемь человек превратились в армию.

Настоящую.

Спартак подошёл к складу. Железная дверь. Замок. Но ключ висел на крючке у входа – Флавий не верил в нападения.

Дверь открылась со скрипом.

Внутри – тьма. И запах металла, кожи и зерна.

Факел. Пламя. И зрелище, от которого захватило дух.

Стойки с мечами – ряд за рядом. Ящики с пилумами – острые наконечники блестят в свете факела. Стеллажи с доспехами – кожаные и бронзовые. Мешки с зерном у дальней стены – горы, способные прокормить тысячу человек месяц.

Но главное – не это.

Главное – стена у входа. На ней – карта Италии. Большая. Детальная. С дорогами, реками, городами, гарнизонами. И пометками красной краской: «Легион Прим – в Македонии. Легион Секунда – в Испании. Гарнизоны Кампании – слабые. Ожидаемое восстание рабов – низкий риск».

Спартак сорвал карту со стены. Свернул. Сунул под тунику.

– Берите всё, – скомандовал он. – Мечи. Щиты. Копья. Доспехи для командиров. Зерно – в мешки. Всё, что унесём.

Они работали два часа. Молча. Системно. Как армия.

Когда солнце начало клониться к закату, форпост опустел. Стены стояли пустыми. Склад – разграбленным. Тела легионеров – прикрытыми тряпками – не из уважения, а чтобы не пугать прохожих.

Спартак стоял у ворот. Смотрел на дорогу. На Везувий вдали – конус вулкана чётко вырисовывался на фоне закатного неба.

К нему подошёл Клеон.

– Мы забрали всё, – сказал грек. – Двести мечей. Сто пятьдесят щитов. Триста копий. Пятьдесят комплектов доспехов. И зерно на месяц для пятисот человек.

– Пятисот? – переспросил Спартак.

– Нас уже триста. И ещё приходят. Слухи летят быстрее нас. Рабы из поместий Кампании бегут к нам. Целыми семьями.

Спартак кивнул. Взглянул на карту в руках.

– Значит, план меняется.

– Какой план?

– Не прятаться на Везувии. Использовать его как базу – да. Но не прятаться. Ударить первыми.

– Куда?

Спартак провёл пальцем по карте. От Капуи – на юг. К Неаполю. Потом – к Таренту. Потом – к Сицилии.

– Рим думает, мы будем бежать в Альпы. Или прятаться в горах. Они пошлют легионы с севера. Но мы пойдём на юг. Возьмём порты. Свяжемся с пиратами. С Митридатом. С врагами Рима.

– Это безумие, – прошептал Клеон. – Против всей империи…

– Империя – не монолит, – перебил Спартак. – Она трещит. Долги. Зависть. Страх. Я знаю их слабости. Я знаю, кто продаст Рим за мешок серебра. Я знаю, где легионы слабы, а где сильны.

Он поднял голову. Посмотрел на Везувий.

– Горы – не убежище. Горы – крепость. Оттуда мы будем бить. Быстро. Жестоко. И уходить. Пока Рим не поймёт: его враг – не толпа рабов. Армия. С командиром, который знает будущее.

Он развернулся к своим.

Триста человек. Теперь вооружённых. Теперь организованных. Теперь – его.

– На Везувий! – крикнул он. – Но не для бегства. Для войны!

Они двинулись вперёд. Не толпой. Строем. Колонной. С флангами и арьергардом – как учили римляне, но теперь – против них.

Спартак шёл последним. Оглянулся на форпост. На пустые стены. На дорогу, ведущую к Капуе – к Риму.

Пусть приходят, – подумал он. – Пусть шлют легионы. Я знаю их тактику. Их слабости. Их страхи.

А они не знают меня.

Он улыбнулся. И пошёл за своей армией – к горе, которая станет колыбелью новой свободы.

Или могилой старой империи.

Выбор – за Римом.

Глава 5. Первый закон восстания

«Милосердие – для свободных. Рабам остаётся только ярость». Формула новой армии.

Везувий встретил их тишиной.

Не той тишиной, что царит в подземельях – гнетущей, наполненной страхом. Тишиной гор. Воздух здесь был другим: чистым, острым, с привкусом серы и пепла. Ветер гнал облака над кратером, а внизу, у подножия, расстилалась Кампания – плодородная, богатая, римская.

Спартак стоял на краю плато, у самой кромки обрыва. Под ногами – пропасть. Впереди – Италия. За спиной – триста вооружённых людей, которые ещё вчера были рабами.

Они пришли сюда за свободой. Но свобода, как понял Спартак, – не место. Не гора. Не лагерь за каменными валами. Свобода – состояние. И чтобы его обрести, нужно было убить в себе раба.

– Разбивайте лагерь, – скомандовал он. – Кто умеет строить – стены у входа. Кто умеет охотиться – в лес. Кто умеет готовить – к кострам. Остальные – охрана периметра.

Люди двинулись. Неохотно. Без порядка. Галлы отошли в сторону от фракийцев. Германцы – от нумидийцев. Греки – в одиночку, с презрением глядя на «варваров». Семьдесят восемь беглецов из школы Батиата держались кучкой – они были едины в своём бунте. Но триста новых – это уже племена. Племена со своими языками, обычаями, обидами.

Спартак это видел. И знал: армия без единства – толпа. Толпа против легионов – трупы вдоль дороги.

Он спустился к центру плато. Там, где стоял древний жертвенник – каменная плита, обросшая мхом. Когда-то сюда поднимались фракийцы, чтобы молиться богам гор. Теперь сюда пришли их потомки – чтобы молиться свободе.

Клеон подошёл первым. Грек держал в руках мешок с серебром – добычу с форпоста.

– Что делаем с деньгами? – спросил он. – Делим?

– Нет, – ответил Спартак. – Это общее. На оружие. На еду. На союзников.

– Люди захотят своей доли. Особенно галлы. Они привыкли делить добычу сразу.

– Пусть хотят. Но получат только то, что я решу.

Клеон нахмурился.

– Ты становишься таким же, как Батиат. Решаешь за других.

Спартак посмотрел на него. Долго. Потом указал на плато.

– Видишь их? Триста человек. Каждый со своим страхом. Своей болью. Своей мечтой. Если я дам им выбор – они разбегутся. Кто к семье, кто в лес, кто продаст соседа за мешок зерна. Свобода без дисциплины – анархия. А анархия – путь к кресту.

– Значит, ты будешь диктатором?

– Я буду тем, кем они позволят мне быть. Пока – командиром. Потом… посмотрим.

В этот момент к жертвеннику подошёл Бренн. Лицо галла было мрачным. За ним – десяток соплеменников. Все с мечами на перевес.

– Спартак, – начал Бренн без предисловий. – Мои люди хотят знать: когда мы идём домой?

– Домой?

– В Галлию. Через Альпы. Ты обещал свободу. Свобода – это возвращение к своим горам, своим богам, своим женщинам.

Спартак покачал головой.

– Через Альпы – смерть. Рим перекроет перевалы. Легионы ждут нас там. Мы пойдём на юг. Возьмём порты. Уйдем кораблями.

– На кораблях? – рассмеялся Бренн. – Мы – воины! Не рыбаки! Галл должен умереть под открытым небом, а не в трюме как раб!

– Лучше жить как рыбак, чем умереть как герой, – тихо сказал Спартак.

– Это слова раба!

Слово повисло в воздухе. Оскорбление. Хуже удара мечом. В глазах галлов вспыхнула ярость. Руки потянулись к оружию.

Спартак не двинулся. Не схватился за меч. Просто стоял. Смотрел на Бренна.

– Ты прав, – сказал он наконец. – Это слова раба. Раба, который выжил. Потому что понял: герои умирают красиво. А живут – те, кто умеет ждать.

Он сделал шаг вперёд. Ещё один. Остановился перед Бренном. Лицом к лицу.

– Ты хочешь умереть героем? Я дам тебе шанс. Завтра утром – разведка к Капуе. Десять человек. Ты – командир. Если вернёшься живым – скажешь мне, что лучше: ждать или умирать красиво.

Бренн молчал. Грудь тяжело вздымалась. Но в глазах – не только ярость. Сомнение. Он видел Спартака в бою. Знал: тот не трус. Значит – есть причина.

– Хорошо, – буркнул галл. – Завтра утром.

Он развернулся и ушёл. Соплеменники последовали за ним.

Клеон вздохнул.

– Ты играешь с огнём. Галлы непредсказуемы.

– Огонь кует сталь, – ответил Спартак. – Без огня – только ржавчина.

Ночь опустилась на Везувий тяжело, как плащ из чёрного сукна.

Костры горели по периметру лагеря. У каждого – своя толпа. Свои языки. Свои песни. Фракийцы пели о горах и орлах. Галлы – о битвах и славе. Греки молчали – у них не было песен для рабов.

Спартак не спал. Сидел у жертвенника. Перед ним – карта Италии, снятая с форпоста. Пальцы чертили маршруты: на юг к Неаполю, на восток к Адриатике, на север – к Альпам, которые он не собирался брать.

История, – думал он. – В реальной истории Спартак дошёл до Альп. И повернул обратно. Почему? Предательство союзников? Непонимание стратегии? Или… он просто не знал, что делать со свободой?

Фракиец в нём знал ответ: свобода – это возвращение домой. К горам. К племени. К женщине, оставленной в плену у римлян.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.